

С. Огольцов

Озяблые фикусы

книга 1-я из серии: Степанакерт-Сага

Сергей Огольцов

Озяблые фикусы

<https://litres.ru/74521342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое «Степанакерт-Сага»? Это серия книг очевидца, независимого писателя. Что такое независимый писатель?

Это который пишет не то, что дозволено, морально, правильно, истинно, и выгодно

Нет! Без оглядки на общепринятые устои он повествует о том, что видел, прочувствовал, чем обманулся не раз до полного: «да пошло оно!»

Сволочь он—без партийной принадлежности, без идеалов и Родины—этот независимый сукин сын.

То есть, чтиво вполне занимательное для широкого круга читателей любого калибра и нацеленности интересов.

Не исключая серьёзных исследователей сверхглубинных вопросов типа: как и почему армяне всего мира—карабахские в том же числе, однако в последнюю очередь—утратили эту свою—основную по значимости—историческую родину.

Содержание

Пояснительная	4
Аннотация	6
__месяц первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Огольцов

Озяблые фикусы

Поясниловка

Что такое «Степанакерт-Сага»? Это серия книг очевидца, независимого писателя. Что такое независимый писатель?

Это который пишет не то, что дозволено, морально, правильно, истинно, и выгодно...

Нет! Без оглядки на общепринятые устои он повествует о том, что видел, прочувствовал, чем обманулся не раз до полного: «да пошло оно!»...

Сволочь он—без партийной принадлежности, без идеалов и Родины—этот независимый сукин сын...

«Степанакерт-Сага»: литературная летопись тридцати семи лет, от полного надежд начала и до печального финала борьбы армян Нагорного Карабаха за независимость родной земли.

Звучит как предвыборная говорильня пидорка-популиста, нет? Или речуга военрука средней школы. Что есть то есть, не без того. Кьянга, ли! Тут и смех, и грех, трагедия — обхохочешься! Комедия — до гробовой доски.

То есть, чтиво вполне занимательное для широкого круга читателей любого калибра и нацеленности интересов.

Не исключая серьёзных исследователей сверхглубинных вопросов типа: как и почему армяне всего мира—карабахские в том же числе, однако в последнюю очередь—утратили эту свою—основную по значимости—историческую родину.

Аннотация

«Озяблые фикусы» — книга первая из серии «Степанакерт-Сага»

Это заповеь Саги, сдержанный по тону, с ограниченным числом действующих лиц. «Фикусы» представляют всего одну семью с прилегающими родственниками и соседями, плюс сотрудников из испустившего дух учреждения.

При всем минимализме выразительных средств, книга достаточно полно отражает сто шесть дней и ночей жизни Степанакерта под бомбежками и обстрелами зимы 1991-92 г.г. с общей для всех жителей города сверхзадачей: выжить...

Что творилось тогда
ушло в до того бездонное прошлое,
что нет смысла уже усомниться:
так ли всё это было
или же по-другому,
да и было ли вообще...
будто кому-то не всё равно?

__месяц первый

4 декабря, *день 1-й из 106*

Ночь выдалась тихой. С непривычки даже жутковато. Типа те пулемёты и калашы в Кркчяне готовят какую-то падлянку втихаря...

И всё равно долго пришлось дожидаться пока усну. И так вертелся и обратно. Вспоминал последний свой заход в Универмаг. На день рождения Рузанны. Десять лет девочке. Хороший повод для подарка по случаю.

Два покупателя на все два этажа универмажьего простора: папа привёл ребёнка осчастливиться сокровищами отдела игрушек. Старался как мог, чтобы пацанёнку увидался светлый лучик среди всего, во что мы вляпались.

А вокруг тишина, полумрак. Унылая продавщица выстроила на прилавке шеренгу из того, что под руку подвернулось. Линейка неизменных куколок-зайчиков-грузовиков из пластмассы телесного цвета. Или зелёного с ярко-синим. Клонированные копии таких же на полках любого универмага в любом городе необъятной советской родины за последние две пятилетки.

— Что-нибудь ещё, чьяна? — Спрашивает папа.

А в ответ тишина, и пустой взгляд ребёнка на щедрый приз в студию. Кому на фиг упали сувенирчики на смертном одре?

(... когда вокруг бродит та старуха с косой, процент жмотов среди обывателей резко снижается, предположительно, на душу населения...)

А потом ещё Максим, главный редактор, заявился в мою бессонницу. Начал чинно похаживать по комнате переводчиков, туда-сюда. Подчинённые, в лице Ваграма и Лёника, сели навтыжку за своими столами, столбиком, как пара сусликов при исполнении показательного внимания.

Доски пола, кряхтя, удержали увесистость максимы, которую выкатил глава *Советского Карабаха*, единственной газеты на всё Автономную Область:

— Стать свидетелем происходящего тут—наиуникальнейшая удача для журналиста.

Свежесть мысли Максим подчеркнул брызгом дворцовой связки ключей. Свой кабинет он никогда не покидал без их железного букетика, побалтывая им из пухлых рук, сомкнутых за спиной поверх мощного сидалища. Суслики изобразили ум на лицах, мудро покивали в поддержку аксиомы от главреда. Хотя в ней красной нитью попахивал уклон в неясную философичность. Нежданная экстравагантность на его должности...

Боль в спине неотвязно при мне, как самый верный из вассалов. Слишком короткая кушетка Лиды заставляет чувствовать эту преданность даже во сне... В дневное время я прошманил её книжные полки и—ух, ты ж, ёх, ты ж!—всплыл толстенный том *Бхагавад Гиты* на русском.

Но чисто из принципа я продолжил крутиться под одеялом: лениво мне—подымайся, свет включай, волочи тот буй с полок....

Вечер того же дня

Трудно сказать: на дворе снег с дождём или дождь со снегом. Кухонный кран истекает струёй тоньше спицы, но всё-таки истекает.

Утром главред сказал «да», но потом—как бы типа на добивание—сбагрил меня Аркадику, он тут зав русским отделом. Ещё одна руководящая глава—и неслабо уже полысевшая.

Поднаторело избегая смотреть глазами в глаза, он протрахтарал, что, да, данный печатный орган нуждается в моих профессиональных услугах. Так что со следующей недели должность переводчика за мной. Руководству требуется определённое время на рокировки и перестановки в штатном расписании. Подобный процесс ускорению не подлежит, ты ж понимаешь....

Мне остаётся только понимать, хотя с моего ракурса неделя ожиданий—охренеть как долго. К тому ж я не фанат клуба Небеса в Алмазах Приходите Завтра Посмотреть. Не-а, такое не по мне. Но сидя без работы, качай мускулатуру своей терпячки, кореш. Чтобы такие брифинги от полулысых завов мотать как не хрен делать, на расслабоне....

После обеда Сатик послала меня принести банку молока с Молокозавода. Но там я не нашёл Валё, и ни одной знакомой

внешности не подвернулось. И что теперь? Волочить пустую банку обратно? А когда стрелку забывают поконкретнее, с нею же—сюда?

Для человека при понятиях малость не резон подписываться на такую логистику. Тут даже обида возникает за палку, что делала из обезьяны Хому Сапиенсяна.

Пришлось элементарно думать дальше. А и таки нашёл! Нашёл закуточек на втором этаже Административного корпуса. Позади той двери, что нараспашку в тёмный коридор. У неё распашка та пожизненная, на века! А на обратной стороне есть ручка, буквально созданная, чтоб на неё вешали сетку, в которой банка, всё ещё пустая...

У них там та дверь из касты неприкасаемых, её никто в упор не видит, чуть ближе подошёл и в коридор—нырь! Такие сумерки там гравитационно притягательные: бухгалтерия, кассирша, главный инженер, директор—все там, в том коридоре. Вот те двери, да: туда-сюда! А эта—нет, дождётся любава, сохранит баночку как зеницу ока...

Во второй половине дня Нерсес, муж Лидии, прибыл из своей деревни Хнушинак. Не заходя во двор постучал по матовому стеклу стеклу крайнего окна. Оно связующее звено между нашей съёмной, охренеть-до-чего-просторной комнатой и остальным миром.

Просто на стук открывать приходится—через матовое не видеть, кто там с тротуара к нам достукивается. А два остальных прибиты наглухо, зачем публику баловать? Для комму-

никаций хватает и одного окна, по левому краю.

Короче, за ключом он приходил от ихнего дома. Теперь, с его приездом, моей карьере ночного сторожа в их доме подвелась черта.

Прощевай, нераспробованная *Бхагавад Гита*! И ты, Прокрестова кушетка, тоже прощай!

И только боль в спине моя неизменная подруга... Однако мне сегодня повезло: спицей или полуспицей, но два ведра из крана смогли-таки натечь, прежде чем вода напрочь кончилась.

5 декабря, день 2-й из 106

При ходьбе боль в спине заметнее, особенно по утрам, а тем более под гору.

При появлении меня в директорском кабинете молокозавода, Валё орал в трубку, что мука в городе кончилась и хлебзавод уже четыре дня в простое. Потом он дал отбой и хрипловато, но уже с нормальной громкостью объявил, что молока тоже нет.

К счастью, когда я вышел из ворот завода, мимо проезжал Сашик и притормозил подобрать меня до площади. Там я поднялся на второй, самый верхний этаж редакционного здания. Постучался к Стелле, ответсекретарю газеты, Максим нас уже взаимно представлял. И она вручила мне две статьи для перевода на русский.

Имена статьюписцев не совпали, но обе полные близняшки. И там и там патриотическое гроыханье гальки об желе-

зо стен 200-литровой Порожной Бочки, что катит под уклон по всем колдо*бинам дороги. Чтоб не оглохнуть, я с места в карьер погнал переводить их разнотонный унисон.

На должности официально не оформленного прибулды, я уже успел пригреть свободный стол в комнате переводчиков. Его законная правообладательница ушла в декретный отпуск на основании двух месяцев месяца до родов.

Ваграм, репортёр русского отдела, впорхнул в переводческую, унаселенный поверх столешницы его орудия труда, и поделился своим возмущением по поводу оттяжек моей инаугурации на должность. Устроили тут долгий ящик, понимаешь! Бюрократические игры в детской песочнице!... Тут он поднялся на крыло и упорхнул вдаль по коридору...

Нежданно близкий грохот затяжного залпа вызвал обычную во мне реакцию на стрессы такого рода: из брюха в грудь прёт жар, а под затылком втыкаются острые когти, не знаю чьи. ПлюсьХрусть! Когда уж дальше некуда, вар спадает, неслышно.

(...много болтаешь, кореш. Скажи прямо: «Перепугался насмерть, аж тараканы в животе забегали»...)

Как оказалось, залп ритуальный был, на торжественных похоронах четвёрки пацанов. Их окоп одним взрывом накрыло—под Кркчьяном. Азербайджанская часть города на командной высоте к северо-западу...

Когда я пришёл домой, дети Валё, Сего и Гаянэ, были у нас в гостях. Сатик и я поиграли с ними в карты: «верю—не

верю». Рузанну, у которой всё ещё не истёк срок наказания за прошлые нарушения, к игре не допустили, но она стойко сносила ущемлённость прав, взяв на себя роль презрительного зрителя.

Игру прекратили и вечеринка оживилась по прибытии Карины с её сыном и дочкой. Она принесла подарок Ашоту: недобитые ботинки от её сына Тиго. Всё продолжалось в таком же радостном ключе, пока под нашим окном в мир не бибикнула волга Сашика, вызывая гостей на борт.

К десяти Сатик и дети засобирались в Убежище, оно же—перекройка из портновской мастерской в полуподвале двухэтажной жилой развалюхи. Комнатушка достигла пика посещаемости на весь прилегающий район—окно в ней не смотрит на склон, откуда бьют по городу *Алазанью*. Десяток женщин, и два-три малыша при каждой, проводят ночи на тридцати шести квадратах площади, откуда портной вынес все орудия труда и остальную мебель.

По темноте, с Ашотом на руках, я провожал мою семью в Убежище. Шли молча под ожесточённый треск перестрелки в Кркчьяне. Под отморожено бездушный блеск звёзд над головой, под мерное посапывание спящего ребёнка. Укутанный в одеяло, он спал прижавшись к моей груди, где тараканы тупо пинали моё сердце.

6 декабря, день 3-й из 106

Ровно в полночь я вышел и два часа без перерыва топтал тротуар—туда-сюда. Хотя этот сволочь просто спёр краси-

вое имя, а сам остался кем и был: лотки да рытвины и корневища циклопических деревьев, повылезавшие сквозь асфальт.

И всё это не-разбери-пойми так и норовит подстроить каверзный капкан и сходу завалить. Но выбора не оставалось, и парой эмалированных вёдер таскал я воду домой. Уж коли хозяйшкa удумала стирку затеять, капитальную, будь начеку, не сковырнись по этой всей пересечённости.

Туда: к Трёх Кранам под рыжей плитой, поставленной на попа. А в камне её три личины вырезьблены неохватные: Трагедия в горе горьком, у Комедии рот до ушей, и Драма—губки бантиком. Но все три без волос, им по должности не положено, они служат намёком, что соседний дом есть городской театр, а они маски, стало быть, театральные. Да, ещё пристроились краны сторожить—каждая свой—но это на общественных началах.

Туда—из нашей кухни, где все вёдра, тазы, корыта дожидаются наполнения и—обратно, от Кранов.

В Кркчьяне стервенеет перестрелка—по всему склону. Базуки тоже бахкают; туда и обратно...

Выруливая на бездорожье в хрен-знает-какой раз, применяю беззвучные формы на той стороне, точняк напротив наших трёх оконниц. Их белые одежды отсвечивают в темень бестелесным призрачно белёсым.

Привидения волокут пару кастрюлищ-бочонков из верхней Пекарни Близняшки в её сестру пониже—вдоль ули-

цы—метров за шесть. Никелировка кастрюлищи полировано подморгнула лампе на тёмном столбе.

Похоже слушок, докатившийся через тёщу, о подвозе муки вертолётom, исходил из надёжных уст. Вверх—вниз.

На крыльце задней театральной двери с десятok мужиков стоят, болтают, курят. Прижимистый одиночка спустился до асфальта, чтоб не делиться косяком, затягивается жмотяра. Втянул—выпустил.

При подходе к Трёх Кранам в чёрт-знает-какой раз, усекаю двоих мне навстречу. «Слышь, кореш, — с хрипловато красивым кавказским акцентом окликает меня один. — Туда ни хады. Стриляют».

Полсекунды спустя шальная пуля из Кркчяна стегнула перекрёсток перед Кранами, удостоверить—предупреждалось не зря.

— О! — откомментировали мужики с крыльца наветренной от пуль стены храма Мельпомены.

В четыре утра в городе воцарила тишь, невероятная до такой степени, что Сатик и моя тёща вернулись из портновского убежища вместе с детьми...

Тёща поделилась известием: в эту ночь погиб двадцатилетний парень в бою на кркчянском склоне.

Вечер того же дня

В одиннадцать я вывел Ашота размяться по верхнему парку... Солнечный день под небом бледно-голубой лазури. Исполинские волны кряжей, замерших в осенней дрёме. До-

рожки пустого парка под покрывалом опавших листьев—усохших, ломких, шуршащих на каждый шаг... Упорная перестрелка—отдалённо, но непрерывно...

На выходе из парка мы встретили Юру, со-владельца и подменного работника павильона видео-игр возле ступеней к Пятачку. Сейчас пришлось прикрыть лавочку: интерес к цифровым перестрелкам в глубокой трещине.

Юра—модель менялы по канонам восточного бизнеса: букет сладких улыбок, блаженных прищуров, беспредельного счастья, что наконец-то встретил тебя. В синхронном пожатии его пары рук столько мягкой сладостной неги... Товарняк твоих мыслей плюёт на все стрелки и встречные поезда—прямоком гонит в сторону станции Оргазм-Конечная... И он ещё зачем-то женился!? Неразгаданная тайна вселенной...

По завершении ритуального обмена приветами и обоюдной передачи пожеланий супругам друг друга, он ошарашил меня очередной загадкой—склоняясь к Ашоту с поцелуем в ручку. На прощание. Я охренел, но промолчал.

Оставшись одни, мы с Вождём Краснокожих пересекли кольцевую дорогу и круг сквера могучих сосен в её петле. Дальнейший наш путь пролегал вверх по Ленина.

В рядах четвёрки, спускавшейся навстречу, я углядел Галё. Он поприветствовал меня подмигом. Расходятся по домам после ночной смены в Кркчьяне. Хотя его спутники смотрелись скорее деревенщиной, чем боевиками.

С Галё мне довелось пахать в одной и той же строительной конторе, СМУ-8. Тянули газовый трубопровод в деревни Карабаха, пока в Москве не захватили власть козлы ГК-ЧП. На следующее утро я подал заявку на расчёт. Так и так, ваша контора государственная, но я не нанимался вкалывать на государство комитетчиков ЧП.

В конторе над такой заявочкой поржали, но начальник Самвел подписал. Через пару дней в Москве тех клоунов-путчистов повязали, а я так и остался безработным, и уже конкретно приступил возводить стены нашего будущего дома.

Когда те выросли до уровня под перекрытие, а положение в Степанакерте скатилось ниже угрожающей отметки, тёща дала совет поискать работу в редакции газеты, раз уж такой я книжный червь.

У неё с Максимом, главным редактором, фамилия совпадает, хотя они не родственники. Просто оба из одной деревни. Случайно так совпало всё...

Мы дошли до Углового Магазина. Рядом с которым будка Союзпечать. Там я купил еженедельный дайджест этого печатного органа на русском с моей пробой переводческого пера на четвёртой странице.

Не статья, а зычные фанфары в стиле журналистики на уровне райцентра. Бравурный марш в адрес тощенькой брошюры из конюшни местного поэта, который в ней Пегаса держит и кормит отборно-патриотическим овсом...

И снова совпадение! Рифмач и критик из одной редакции, и даже из одного коридора на втором этаже! Но двери кабинетов по разные стороны; чуть-чуть наискосок.

С утра до вечера, сбившись в толпу, очереди к Пекарням Близнацам зудели и орали напротив трёх окон нашей охреть-до-чего-просторной комнаты.

Уже в сумерках, Валё с тротуара постучал по стеклу окна нашей прямой связи с миром. Сквозь решётку он передал банку, что зависала на обратной стороне двери в коридор второго этажа. Теперь уже утяжелённая молоком доверху.

Пять минут девятого, и пока что тихо.

7 декабря, день 4-й из 106

В три утра мощный взрыв в нижней части города вскинул Рузанну из её кровати в приступ неудержимой дрожи. Сатик насилу уболтала её успокоиться. Без чего-то шесть два залпа *Алазаней* шуганули ночь прочь. Ашот проспал всё это, как настоящий мужчина.

С рассветом ревущие чудища убираются в свои логова, на смену всплывают людские вопли в отчаянной свалке толпы у Пекарен Близняшек—через дорогу от невыносимо широких окон нашей охреть-до-чего-просторной комнаты. Целый день подъёмы и спады разборок в очередях создают звуковой фон морского прибоя нашим внутрисемейным делам.

Пришли Карина и Орлеана, жена Валё, оставить тут своих детей. Сатик присоединилась к сестрам и все втроём отправились проститься с покойницей. Первая учительница всех

трёх сестёр, с определённым интервалом, разумеется. Старушка жила по соседству с их матерью и скончалась ненасильственной смертью.

Я сходил на Участок, где начата Стройка нашего будущего дома. Надо принести сумку яблок и охапку древесный корней, которые накорчевал при рытье траншей под фундамент стен. С лета они высохли до полной кондиции для завтрашнего шашлыка.

По дороге туда мне подвернулось зрелище пары бронетранспортёров Советской армии, что бодро катили по своим делам. Поверх крышующей брони каждого—от пяти до семи служивых. На рожах воинов боевая раскраска. Косметику намазывали по личному усмотрению каждого—от сплошного слоя толщиной в палец до пары лёгких прикосновений к скулам—оттенить уголки глаз. О вкусах не спорят.

Однако уставной шварценегеризации никто не избежал, когда готовились к исполнению боевой задачи. Устав есть устав, даже для капитана без знаков различия в гражданской вязаной шапочке типа «петушок» вместо железного шлема. Они неслись мимо на газах, явно польщённые вниманием тротуаров.

Заявись вдруг сюда кто-то со стороны, без понятия про местные расклады, да увидал бы как мы тут чинно или деловито выступаем по асфальту подиума под несмолкающие очереди автоматов на склоне Кркчяна, решил бы: юпсь! И занесло ж меня в город глухих!

Но пусть несоответствие не забивает тебе баки, незнакомец! Мы чётко слышим всю ту стрельбу и в утробе каждого сидит свой персональный взвод перебздевших тараканов.

К девяти вечера всё стихло. До жути глубокая тишь.

Может я слишком строг с Рузанной?

8 декабря, день 5-й из 106

Вчера около полуночи Сатэник пришлось принести Ашота домой, он не мог спать в одной комнате с орущим младенцем. Она оставила его и вернулась к Рузанне—та начинает паниковать в толпе незнакомцев.

Потом до часу ночи я продолжал водноносить от Трёх Крапов: капитальная стирка Сатик ещё не финишировала. Мои ноги приловчились к навигации по пересечённой тротуарной местности. Да до того же чётко! Мне оставалось только наслаждаться тишиной ночи. Ни единого выстрела. Как сладостны мгновенья мира!

(...кайф типо когда ссышь после трёх литров пива...).

На рассвете два неслабых взрыва в Арменаване—тоже окраинная высота бок-о-бок с Кркчьяном. Их гром не потревожил Ашота; он браво спал дальше... Поздним утром мы с ним на пару сходили на базар за травами для сегодняшнего пира: синхронное отмечание двух днюх сразу—Рузаннинного, с недельным опозданием; и его, на две недели раньше срока.

Традиционно фестивальная команда сестёр-с-мужьями-с-детьками явились отметить событие, и наши домовладельцы,

Назик и Армо, с троицей их отпрысков.

Тёща отсутствовала, пребывая на похоронах соседки, обучавшей её дочерей начаткам письма и чтения.

Половина одиннадцатого. Сатик и Рузанна ушли в Убежище, Ашот оставлен спать дома.

За окнами тихо.

9 декабря, день 6-й из 106

Ночь раздолбали на осколки: шесть не то семь залпов *Алазанами* в различные часы... Одна из второго залпа рванула где-то тут неподалёку. Последовал отрезок оглушительной тишины, потоптанной торопливыми шагами, взволнованно-вопросительные голоса мужиков: «Где? Как?»

Голос поблизости откликнулся: «Сюда попала!»

Ашот спал как миленький всё ночь.

Растянувшись на кровати, я отслеживал сквозь матовое стекло наших идиотически широких окон ленивое пламя на хвостах *Алазаней*, летящих к своей ушераздирающей кончине.

В промежутке между бомбёжками меня навестил затяжной до странности сон.

...бомбить перестали и я возвращаюсь домой в резких лучах восходящего солнца посреди шагающей толпы а какая-то незнакомая тёмная старуха просит меня помочь и моментально усаживает девочку девяти лет мне на закорки чтобы я нёс но ухватив ребёнка за ноги сквозь нитки чулков я чувствую нехватку левой ноги а старуха топает следом уговари-

вает девочку Ирочку как хорошо теперь будет всё наши пути расходятся и я захожу в комнату как раз вовремя чтоб услышать зов Сатик из кухни что тут гости ко мне и выйдя туда натыкаюсь на курицу что распластала крылья на асфальте пола но шею задирает кверху хотя там нет головы отчикнутой только-только что обрубок шеи извивается по сторонам а на конце его кружок сырого мяса и тут же девочка стоит рядом которую я недавно нёс и подымает ко мне улыбку своего лица занавешенного прядями прямых слипшихся волос поверх её глаз которых нет в глазницах а только натугу растянутая кожа...

Без четверти десять. Ночь прошла и Ашот играет деревянными кубиками на полу. Сатик принесла его и тут же выскочила на прозвонку сестёр из телефона-автомата за углом. Сказала, что Рузанна ещё спит в Убежище.

Тёща ушла на работу мыть полы в здании *Советского Карабаха*. Такая у неё должность там, кстати.

Вечер того же дня

В одиннадцать я явился на обещанное мне рабочее место и уткнулся в запертую дверь комнаты переводчиков. Поднялся на второй этаж, в кабинет ответсекретаршицы Стеллы, где та поставила меня в известность, что материалов для перевода нет.

Дома, Сатик поделилась планом забрать детей в нижнюю часть города на ночёвку в подвале Орлеаниной пятиэтажки..

Не слишком блестящая идея, но как будто меня кто-то

спрашивает. Моё дело помалкивать в тряпочку. Так мудрее. Нынче пять этажей над головой не намного безопасней всего двух.

Однако долгая ходьба туда, перемена места—хоть какое-то занятие. Всё лучше, чем сидеть в ожидании ничего хорошего за всё хорошее.

Ещё Сатик рассказала про свои ощущения при внезапном перепуге. Какой-то холодный как лёд комок стягивается внутри, всё твёрже и твёрже.

(...абсолютная противоположность моей декомпрессии от грёбаной волны кипятка в потрохах...)

Мы выступили в осеннюю изморось, не прекращавшуюся с утра и весь день.

Рузанна без умолку тархтела про ракеты, убежища и прочее такое, пока Сатик не оторвалась от своих горестных дум и приказала девочке заткнуться. Моя спина кряхтела под весом сумки с провизией и одежды детям, так что я тоже рта не раскрывал. И только Ашот, оживлённый общесемейной прогулкой, время от времени издавал вопль восторженных краснокожих...

На обратном пути, своей замедленностью я не уступал бесконечно крапавшей мокве. Но пару раз солнце проклюнуло затяжную облачность и превратило в блёстки мелкий капёж просеянной сквозь тучи влаги.

Рядом с Универмагом мне встретились бывшие коллеги по труду из трубопроводного СМУ-8. Пара парней из дерев-

ни Балуджа, с ладонями твёрже подошвы их сапог. Вартан спросил не записался ли я к федаинам. Ребро его ладони попилило воздух перед его же солнечным сплетением, с намёком на бороду вокруг моего лица.

— Не дождутся, — ответил я. — А борода не их собственность: художники и бомжи ходили в ней с доисторических времён.

На перекрёстке кварталом выше, я обменялся великосветским поклоном с Гиро, который маялся бездельем по ту сторону улицы Кирова. Как будто «белые воротнички» ещё на что-нибудь годятся.

Чуть дальше я встретил Мурада, водителя КРАЗа, тот топал по тротуару мимо парка, как простой смертный из двуногих. Хотя с той же громоздкой грацией как его быкосамосвал. Мы друг другу бибикнули привет.

На подходе к театру меня приветствовала небольшая группа моих учеников из деревенской школы Сейдишена. Этот пушок на верхней губе взрослит парней. Растут ребята, вырастают прямиком на войну.

Около восьми я вышел позвонить на домашний Орлеаны. Никто не подошёл к телефону. Всё спустились в подвал, полагаю.

Через полчаса поужинал с тёщей. Потом она ушла в Убежище. Пара матрасов с одеялами там остаются постоянно — застолбить место.

10 декабря, день 7-й из 106

В ночь после трудного дня я слышал лишь одну бомбёжку—говорят их больше было—до тех пор пока в ответ не грянула пальба пушек советской артиллерии. Гарнизон тут недалеко—по ту сторону Верхнего парка. Может какая-то из *Алазаней*, утратив нюх, шарахнула им в дислокацию?

Мне пришлось усыпать снова, а во сне спустил, к тому же мерзко так: засунул, но ни хрена не чувствую, да и она тоже—кто?—тоже мне мужик! Боже, за что караешь меня грешного таким кошмаром?

В полдень я вышел к Орлеане забрать Сатик с детьми домой. По пути вниз я заскочил в театр проголосовать за независимость крушимой бомбардировками страны. Сатик участвовала в референдуме на подъёме обратно.

(...бэби, мы сделали это по дороге... Нас кто-нибудь видел?...)

В три пополудни так долго и пылко ожидаемое событие состоялось в кабинете главного редактора: Максим подписал мою мольбу предоставить мне работу. С завтрашнего дня я являюсь номинальным репортёром данной газеты. Однако за кулисами на мне переводы с армянского на русский.

Потому что на протяжении своей славной истории *Советский Карабах* неизменно оставался двуязычным. Публикации на местном наречии дублировались (дайджестно) для Старшего Брата, дабы сверял их направленность с курсом текущей империальности.

Такая мудрая политика позволила мне сделать руч-

кой—«пока-пока!» —моей безработице. Три недели, оставшиеся до 1-го января, я фактически на должности переводчика, а дальше (цитируя Максима): «Как Бог даст».

Его ссылка на столь высокую инстанцию побудила меня отслеживать «уличный шум» по пути к месту жительства.

— Ты б только видел, — сказал офицер Советской армии шагающему с ним в ногу сослуживцу, — как эта грёбаная *Алазань* разнесла всю мою комнату в общежитии.

В следующей паре собеседников—на полквартала ближе к нашей квартире—офицерская жена общевойскового назначения под косметическим раскрасом толщиной в два пальца, что скрывал её знаки различия, гаркнула попутчику: «Я согласна!» такими децибелами, чтоб прилегающей местности дошла её готовность соглашаться.

С четырёх до половины девятого я опораживал отсек в подвале под пятиэтажкой за перекрёстком после Пекарен-Близнецов.

Застоялый воздух цементных катакомб взьерошил звук деловитых голосов, перестук молотков, взвизги пилы-ножовки. Вдоль центрального прохода сновали носильщики вёдер с мусором—наружу, по ступеням вверх, на кучу, выросшую у торцевой стены. Уборка подземных помещений под убежища.

Но один отсек не успели застолбить искатели безопасности. Моя тёща слила эту информацию Сатик, вследствие чего я получил инструкцию пойти посмотреть что как.

Я пошёл, нашёл, зашёл в означенный отсек полный молчания и тьмы. Факелок зажжённой спички позволил различить пару электропроводов, зависших вдоль бетона блоков. Пришлось опять идти домой, брать лампочку с патроном, и плоскогубцы заодно. Но хорошо хоть близко.

Прикрученная к проводам, лампа начала изливаться светом, стабильно. Я спрятал инструмент в карман и оглянулся посмотреть что тут за... Да, не ожидая моих распоряжений, губы испустили свист—самопроизвольный...

Резкий свет лампочки показал с чего это никто не почесался занять этот отсек. Тут требовалась масса трудовых усилий, чтоб выкроить что-то пригодное для обитания в подвальном пространстве шесть на шесть метров.

Какое там пространство! Свалка до самого потолка из вентиляционных секций, навала ящиков, коробок пустой стеклотары, обломков и кусков чего угодно, земли, блоков для кладки стен, лысых покрышек, и множества иных объектов малой рыночной стоимости.

Мягкие слои чёрной пыли покрывали ландшафт, пушистые гирлянды густо висячей паутины, вдоль и поперёк, переводили картину в разряд полного совершенства—попробуй тут не засвисти... Короче, это был единственный отсек из чего осталось выбирать.

(...бедняга Робинзон Крузо! Что докатило тебя до жизни такой?...)

После пары часов стахановских усилий, весь крупняк, что

можно было как-то воткнуть друг в друга и совокупить, был заштабелёван в дальней от входа половине пространства.

В этот момент подошло подкрепление: наш квартиросдатчик Армо со своим сыном-подростком и его другом из соседнего двора. Рома был приёмным сыном (из роддома) матери-одиночки, бежавшей из Баку.

Вообще-то при бомбардировках они прятались под половицами нашей охренеть-до-чего-просторной комнаты, сбегая туда по крутым ступеням прямо со двора.

Однако Сатик провела рекламную кампанию о чарующих прелестях подвала под пятиэтажкой, где потолок сделан из бетонных плит, а не из досок толщиной в два сантиметра. И взрывов там почти не слышно—если хорошо постараться—звукоизоляция плит перекрытия это не древесина, как никак.

Армо ухватился за лопату и загружал мусор по вёдрам: которые мы втроём—два паренька и я—выносили наружу на общую кучу возле глухой стены торца. Ударным трудом мы освободили достаточно пространства для полдюжины коек и стола.

Потом явились женщины, подмели землю пола, завесили одеялами и старыми половиками склад утильсырья во второй половине отсека. Интерьер принял очертания стандартного убежища войны в двадцатом веке.

Сейчас половина одиннадцатого, моя семья укрылась там. Армо, владелец квартиры, уклонился переходить туда же.

Его жена поглубже вдумалась и отклонила всю идею: ему осталось не из чего выбирать кроме привычного стойла.

Спору нет: погреб под половой доской не так надёжен, как подвал многоэтажки, однако тут она банкует над соседями из тех, кто не имея своих погребов ищут убежища в её владениях. Навесить на погребу замок—недальновидная бесчеловечность в текущей ситуации. Вместе с тем, оставить погреб на с её джемами и маринадами на благоусмотрение соседей... такое Назик и представить страшно...

Снаружи спокойная ночь полная звёзд. Приглушённая досками болтовня убежищников, приготовляющихся к ночному отдохновению, доносится из-под выдавших виды половиц нашей охренеть-до-чего-просторной комнаты.

Спокойной ночи всем.

11 декабря, день 8-й из 106

Всем пожелал спокойной ночи, а про себя забыл. В итоге вместо освежительного сна я залип в непролазной бессоннице.

В шесть утра начался ракетно-артиллерийский обстрел со всех сторон. Ожесточённые бомбардировки повторялись весь день каждые два-три часа

Ровно в девять я был в здании редакции для прохождения обычных бумажных процедур при поступлении на работу. Там ни души не оказалось помимо Риты, секретарши главного редактора. По совместительству она же подрабатывает И. О. Начальника отдела кадров, или же готовит чай-кофе

главреду и его посетителям.

Мы только-только начали, когда близкая серия взрывов побудила её к торопливым извинениям и ещё более скорому уходу. Я остался куковать один на всё здание, и поскольку переводческая заперта, угнездился вместо Риты перед чёрной кожей в обивке двери босса.

В пол-одинадцатого в приёмную-кухню триумфальной рысью прискакал Ваграм. Видал, такое? И из его кармана выпрыгнула мини-кассета магнитофонного диктофона. Запись его интервью с Депутатом Верховного Совета СССР, что промелькнул тут позавчера. Макс у себя? (Конечно, надо осчастливить босса: какие орлы-репортеры расправили крылья в нашем органе массовой информации.)

Эх, непруха! Ни одной фанфары возвестить о появлении героя! *Алазани* наказали боссу сидеть дома и не рыпаться.

Бесценная кассета захнута, откуда и выскакивала—в карман, где нет ключа от переводческой. Скорей всего остался дома. У восходящей звезды репортёрства и так забот невпроворот, чтоб ещё и о такой мелочи думать, не так ли?

Он вжикнул за дверь, а я, прискучив посиделками в этой фригидно опостылевшей приёмной, отправился в горвоенкомат, доложить об отсутствии в моём военном билете какого-то штампа. Натренированное око Риты секундантно рассмотрело недостачу в беглом пролистывании документа.

В горвоенкомате мне встретился Олег Пронченко в полной майорской форме. От него разило парфюмерией не

меньше, чем от вчерашней спутницы офицерской жизни, провозглашавшей, сквозь косметическую броню, о своей всегда готовности на тротуаре. Он предпочёл в упор не помнить наше мимолётное знакомство и сухо сообщил, что никого нет. А ну, и ладненько, назавтра тоже день случится не хуже нонешнего...

Вернувшись домой, я попросил соседских пареньков, Артура с Ромой, о помощи—приволочь с нашей Стройки дверь для подвального отсека. Пустой входной проём там оставляет впечатление доисторической пещеры, невзирая на ровность окружающих бетонных блоков.

Потом Сатик вывела меня на прогулку с целью обнаружить местопребывание Ареги, Старшей Библиотекарши школы № 8. Дамочка держит ключ от библиотечной комнаты, где у Сатик, простой библиотекарши, остался электронагреватель под стулом рабочего места.

Нашу прогулку прервал Робик, любовник Ареги и закадычный друг её мужа. Он выволок искомый электроприбор из подвала в его пятиэтажке. Последовал недолгий разговор об их общешкольных проблемах и наболевших вопросах образования вообще.

В беседе Сатик и Робика сквозила печаль. Я стоял рядом, размышляя о причинах. Может между ними неосознанное поле либидо тяготения? Желание вызывает печаль, по определению.

Затем все мы втроем—Сатэник, я и электронагреватель—

вернулись домой и, используя цветастое клише древних, занавесили вершину Олимпа золотистой тучкой.

Делая вираж от поэтических вольностей к деловой аккуратности научных терминов, можно отметить, что в случае идеального сексо-соответствия партнёров даже окружающая война не сказывается на качественных показателях акта.

Прилёт очередного ракетного залпа попытался придать действию излишнее ускорение, но не тут-то было. Мы кончали с достоинством, получая полный объём доступного наслаждения. Наши заключительные всхрюки сплелись в одно с опупелыми воплями соседей, вбегавших в погреб-убежище под нашей кроватью.

Полчаса спустя, вставляя дверь в проём подвального отсека, я чувствовал себя тормознутым, как никогда прежде...

Сейчас без пяти одиннадцать, трахи *Алазаней* и антифонные бубухи пушек меряют время снаружи.

Возвращаясь из Подвала, я встретил на улице её брата. Арам шагал в направлении дома моей тёщи, где он сейчас обитает. Одинокий путник сквозь тьму и канонаду.

Мы обменялись рукопожатием. Братья ордена Одиноких Сердец. Он тоже спит дома один, оставив жену и детей где-то в городе у её родителей.

Спокойной ночи, Арам, брат-в-законе, именно так англичане выговаривают слово «шурин».

12 декабря, день 9-й из 106

Крайне спокойная ночь сдала дежурство не менее умиро-

творённому дню. Перестрелка автоматов-пулемётов стала не особо приятным, но незначительно мелким пустяком.

В девять я побывал в горвоенкомате, где они сходу шмякнули свой штамп в мой военный билет.

Первый рабочий день на новом месте. Переводческая—холодная угловая комната—содержит три стола. Временами в неё собирается стая бездельных мужиков, один за другим, потрандеть и придать холодрыге привкус дыма своих сигарет. Но всё ж хорошо иметь рабочее место! И я постарался положить хорошее начало приятных перемен :

а) позаимствовал ключ Ваграм, чтоб изготовить дубликат;

б) подружился с Алей в коридоре (*у неё это тоже первый день? Ну, это ж надо! машинистка? Ух, ты!*);

в) из комнаты машинисток на втором этаже забрал распечатку четырёх своих переводов для вычитки, прежде чем сдать заву русского отдела;

В три часа мне было сказано, что можно уходить, работы на сегодня больше нет.

Приятно-уютный семейный вечер дома. Сатик играла с Ашотом, Рузанна читала себе под нос, тёща спала, я обтачивал напильником дубликат ключа, удерживая заготовку плоскогубцами.

Около восьми тёща приступила к хлебопечению в газовой духовке. Я сопровождал Сатик с детьми в Подвал. Там она пожаловалась на ледяные сквозняки, что дуют из-за висящих одеял с половиками.

После долгого извилистого пути между и поверх куч, штабелей, гор из ящиков, труб, стеклотары и прочей неопишущей всячины, я достиг глубин самого пыльного и тёмного угла. Чёрная дыра—полметра на полметра—зияла там, дующим леденящим ветром. Я заткнул её куском картона. Обратный маршрут вышел короче—через проём в боковой туннель.

Как только я вывернул в магистральный коридор Подвала, на моём пути встал высокий мудак в шикарном пальто и дорогом головном приборе из меха. Ему требовались мои объяснения: по какому праву я перекрыл доступ воздуха, поступающего для всего Подвала. Я не стал залупаться, и сказал, что перекрыл вентиляцию не наглухо. Уголок заслонки сдвинут для впуска достаточного количества кислорода.

(...если вдуматься, я говорил правду... ну, в определённой мере. Стопудово, без вариантов: фиг он полезет в тот пыльный лабиринт проверять размер той определённой меры...)

Дома, тёща огорошила меня задумчивым вопросом: верю ли я в Бога, вообще? Вот до чего, предположительно, довёл её визит попа в Подвал. Он раздавал там листки с «отче нашим» на армянском и библии толщиной в палец, для детей, с картинками. Яркие такие.

Я отвечал, что богов развелось чересчур много, с ходу и не решишь на Кого из Них ставить. Тут нужна осмотрительность.

Полдвенадцатого. Тёща только что закончила печь хлеб и

ушла в Подвал. Я проводил её до перекрёстка.

На дворе колючий ветер несёт льдистую крупу вверх по улице. Временами разрыв снаряда привносит пряность в общий антураж.

Fiat nox.

13 декабря, день 10-й из 106

Ночь и день достаточно спокойные. Наснилось:

...скопление карликовых дед-морозиков на построении рядами что образуют живой лабиринт в котором плюшевый поп-звездун пел свой переслащённый хит а вокруг теснота их красных стен ему по пояс но ангел ада в чёрной коже на своём байке смёл весь их клип и разогнался до отрыва от земли в парение на высоте метров до двух приподнятый встречным ветром...

На работе перевёл одну статью и завершил подгонку дубликата перед тем как вернуть Ваграму оригинал ключа.

После перерыва меня покликнули на общее собрание в кабинете босса. Пространства больше, чем в нашей охранять-до-чего-просторной комнате. Шеренги стульев подпирают спинками три стены. Торжественное мероприятия посвящённое проводам ветерана из когорты журналистов

Босс, Аркадик, и ещё какой-то шплинт из высших кругов редакции выступили, по очереди, с поминально-благодарственными ораториями. Разница заключалась только в толщине линз ораторов. Выжимали себя насухо, чтоб донести до сознания ассамблеи насколько невозможно передать

полный список грандиозных качеств ветерана, что покидает нас. К сожалению, человек всю жизнь шёл в неверном направлении. Но он не виноват, вы ж понимаете, а всё из-за падлючих коммунистов. И тем не менее, двери газеты должны оставаться для него раскрытыми ныне и во веки веков... Вместо аминя Стелла вручила отправленному на покой пенсионеру толстый сноп траурно-кремовых гвоздик

Дома я наслаждался счастливой семейной жизнью до десяти часов, а потом проводил всех в Подвал. Когда вернулся и приступил калякать эти заметки, мощная, однако немая вспышка прорезала темень за нашим окном в мир.

Как обычно, я сопровождал её внутриутробной волной жара. Сердце испуганно забилося. И я вышел на звук животных женских криков с улицы.

Метров через сорок стоял дом охваченный пламенем. Дзеньк лопающихся стёкол, вой скво в гуще сбившейся толпы мешался с гневным требованием мужчин дать им огнетушители. Всё заглушалось деловитым чавком пламени пожирающего дом длинными—до двух с чем-то метров—языками. Мне вспомнились дед-морозики в красном из моих снов за прошлую ночь.

Потом подъехала цистерна в красном, снабжённая пожарниками, которые мне не снились, и те залили огонь в течение пяти минут. Моя тёща стояла среди зрителей, участвуя в затухающих причитаниях. (Её дом в десяти метрах от очага возгорания.)

Среди зевак я также заметил Сатик, отозвал в сторону и выразительно призвал немедленно вернуться к детям.

В отсутствие дальнейших зрелищ, сборище стало расходиться. В редящих рядах я высмотрел Нерсеса. Он уходил, но я догнал и условился о встрече у него дома завтра в 15:30. Две недели вокруг дня Св. Юрия, когда крепостным вольно искать себе другого хозяина, ещё не истекли.

Четверть двенадцатого. Разрозненная стрельба из автоматического оружия, которой можно пренебречь, слышна в густом тумане за окном.

14 декабря, день 11-й из 106

Ночью меня разбудили взрывы. Потом я уснул. Никаких снов не помню.

Сегодня выходной. Сестра биологического отца Рузанны забрала девочку к её бабушке с дедушкой. Сатик, Ашот и я прогулялись вниз до Универмага. По дороге нам встретился Гарик, который работает у Сашика. Он взволнованно поделился новостью о находке ракетного осколка с надписью «Сделано в Турции». Теперь вот изыскивают способ переправить в имперскую столицу страны Советов это косвенное доказательство, что чуждые силы лезут в наш суверенный мордобой.

(... на мой взгляд, они прищипывают дохлую клячу: Москва отмахнётся от них не меньше Анкары...)

В мозгах Универмага вообще лёд тронулся—повыставляли на продажу дефициты, которые в нормальные времена

держат строго под прилавком для нужных людей. Я купил набор домашних инструментов. Повезло.

Выйдя на залитую солнцем улицу Кирова, мы встретили Карину с её детьми. Она пошерстила свою сумку и выдала Ашоту пару варешек, что уже тесноваты её сыну Тигу. Потом порылась ещё и добавила пару булочек.

Мы вернулись к себе. Тёща ушла домой, у Вождя Краснокожих дневная сиеста. Все условия для Сатик и меня заниматься любовью.

Да, у меня с ней элементарный брак по расчёту. Для обоих. Мужик под сорок привёлся как перекасти-поле из необъятностей общего для всех СССР; а тут женщина на десять лет младше, в разводе, с ребёнком-дошкольницей, которую ещё растить.

Мне, как пожизненному везунчику, пофартило встретить такую спутницу жизни и партнёршу в сексе. На данном отрезке срока моей жизни всё труднее находить обоснование романтичности чувств. И всё же—клянусь небом!—не будет перебора сказать, что я её люблю. Конечно, да. А если даже не безумными страстями, зато основательно и глубоко. И с упоённой энергичностью, когда надо...

История не знает случаев, чтоб в женщине совмещались качества хорошей жены и великолепной любовницы; даже по отношению к своему супругу. Тут уж или одно, или другое. Мне посчастливилось встретить такую, что заполняет данный исторический пробел.

В три часа я был у Нерсеса. Он дал мне почтовый адрес Ларисы и Ивана, которые доводятся ему дочкой и зятем. Нам они были неизменными друзьями для расслабона по пятницам, пока не убежали на Ванину казачью родину, когда тут грянул этот вооружённый конфликт.

Однако основной целью визита являлась *Бхагавад Гита*, которую Нерсес тут же вынул с полки. В ходе дальнейших разговоров он поделился своим бизнес-планом продавать на городском базаре виноград из приусадебного сада. А по ночам он прячется в убежище военкомата, через дорогу от его ворот.

К четырём, тётя Рузанну возвратила, а тут и тёща подошла. Вечер протекал в русле мирной семейной жизни. Сатик, Рузанна и я сразились в карандашно-бумажной игре. Последовал ужин впятером, и я по новой вышел за водой

Сейчас девять. К этому времени все они в Подвале. На дворе тишь.

15 декабря, день 12-й из 106

В эту ночь проводилась демонстрация замедленно-ближнего плана

...необъятной пустоты внутри военной палатки колоссального размера мимо проплывал брезент провисших стен замызганного цвета хаки прежде чем...

взрывы артобстрела вернули меня в реальность тёмной комнаты среди беспросветного громохання взрывов.

Второй выходной. Утром я взял Ашота на прогулку до

Главной Почты. Цель: отослать заполненную открытку «с днём рождения!» внучке Нерсеса и Лидии. Малышка была Ашотиной подружкой по ходу наших уикэндных выпивонов с Ларисо-Ваниной семьёй. Сегодня ей исполнилось два года.

Вечером посреди охренеть-до-чего-просторной комнаты водрузилось жестяное корыто для помывки детворы. Мочалы их бока, Сатик задумчиво сказала, что самые простые бытовые вещи кажутся странными, когда вокруг война.

Я согласился, что некоторые ТВ программы выглядят безвозвратно чокнутыми, когда за окном идут ракетные осадки.

Похоже, моя спина дурить перестала, и это мне подсказывает: а не пора возобновить упражнения йогой? Некоторые из асан—даже после такого перерыва—выглядят вполне пристойно.

Половина десятого. Семья в Подвале, но тёща ещё придёт печь хлеб. В Кркчяна нагнетается упорная перестрелка.

16 декабря, день 13-й из 106

Вчера закатали массированное бомбометание, по ходу моей вододоставки, что помогала мне коротать время покуда тёща допекает хлеб.

Пару раз в челночных мотаниях с вёдрами по тротуару, я слышал посвисты над головой: осколки или пули?

Утешал себя резонами, что если слышу—значит на них отсутствует моё имя. Так какого ляда напрягаться, если опасность позади?

И у меня к тебе личная просьба, Марс, бог войны, давай

договоримся: когда в ход пустят меченное на меня, пускай дойдут чётко по адресу—прикончат наповал. Без дураков типа реанимации, восстановление функций жизнедеятельности и прочей лишней херни. Прямиком через висок—самое оно—я так думаю.

Интенсивность обстрела возросла настолько, что вынудила тещу ретироваться в Подвал. Она даже доверила мне присмотреть за последней партией, как только провожу её...

Сегодня в девять я как штык нарисовался в здании редакции, пустом как Кара-кум без Уч-кудука. Часа два колупался с замком выдвижного ящика в моём столе, посредством сделанной наобум отмычки. Потом плюнул и взломал отвёрткой.

В промежутке от одиннадцати до обеда Ваграм, Лёник, и Аркадик заскакивали на минутку в помянутой очерёдности. Лёник спросил не хочу ли понаблюдать шахматную партию, через две двери налево по коридору. Я вежливенько отказался.

(...не понимаю с чего Сатеник взяла будто в межличностном общении я просто катастрофа? Да во мне обходительности не меньше, чем в начинающем учителе танцев, блин!...)

В полдень я оставил записку на столе для всех, кого это может касаться, о предстоящем возвращении меня в час пополудни...

Сашик и Карина с их детьми обедали в нашей охренеть-до-чего-просторной комнате. Я вручил Сатик газетный

номер с тремя длинными переводами моего производства. Сашик тут же понял тост за такое событие, но я воздержался, чтоб не дышать перегаром на сотрудников редакции после обеда.

Наскоро заглотав пайку, я двинулся в Подвал за нагревателем. Вчера там раздавали новенькие—муха не сидела—по одной штуке на каждый отсек. Наш я собирался переправить на своё рабочее место, но передумал, когда Сатик напомнила, что свет отключен ещё с прошедшей ночи.

На подходе к редакции я встретил Аркадика с каким-то незнакомым пареньком. Зав русотделом сказал мне идти домой, работы на сегодня нет. Я покивал послушно и сбавил ход типа как в раздумьях куда порулить. В конце манёвра я прокрался в здание редакции с грузом контрабанды под пальто—пригретая на груди *Бхагавад Гита*.

В переводческой я обнаружил своё оповещение перевёрнутым задом кверху, чтобы какой-то аноним размашисто накатал: «Сегодня не работаем!»

Но до чего ж крутая вещь эта *Бхагавад Гита*! Сколько в ней мощи! Как не фиг делать расшевелит и пошлёт в новый путь. Оборвала якорные канаты и расшатала краеугольные устои моих понятий откуда вообще взялась текущая цивилизация. И они, сдвинутые, поплыли в более восточном направлении.

Теперь я знаю откуда греки нанюхали идею множества вселенных из малипусеньких таких атомов.

А цифры? Которые меня приучили считать арабскими? Рождение их случилось за несколько тысячелетий до появления Исаака, чьи сыновья разделились на евреев и арабов!

Отцы Церкви как пить дать с руками оторвали б это элегантное определение Св. Троицы в исполнении *Гимы*! С восторга ссали б кипятком, либо предали бы анафеме не отходя от кассы.

Но как всегда—после улётных восхищений—проклёвывается эта пропадина, эта сука: слово «но»...

Когда мне в первый раз скажут, что душа есть неизмеримо крохотная искорка с пропиской в сердце всякого человека, я скажу «спасибо». Ведь до сих пор мне сообщали только, что вес крохотульки двадцать два грамма, а для них трудно подыскать визуальный образ—другое дело искра.

(...я люто толерантный и готов поверить чему угодно, пока не проголодался...)

Когда мне ту же хрень упорно повторяют—пожму плечами: «Да ладно, понял я, чё ты в натуре прикопался?»

Но с третьего раза я тихо-тихо начинаю звереть: а вопросик можно? На тему пересадки органов?

Допустим, сердце святого пересадили в тело грешнику, да? Ну, или наоборот, какая разница? А этот, после имплантации, взял да и тоже окачурился. Теперь ему куда с той искрой: в ад или на высшие планеты?

Но всё же дополнительная инфа, что душу грохнуть абсолютно невозможно—весьма освежающая тема в здешней

ситуации...

И в этот момент я посмотрел в окно, свериться, что там за ситуация вообще:

— провинциальная гостиница напротив, сто лет без ремонта;

— коренастая старуха мается бездельем на крутых ступенях высокого крыльца;

— девочка лет десяти под грузом втрое младшего братишки на спине;

— лохматая шавка ковыляет поперёк дороги, что отделила гнездо для мимолётных чужаков от редакции.

В целом—классический пейзаж райцентра в рамочке из длинных очередей—пока не кончится обойма в «калаше».

В половине четвёртого ветеран, отправленный на неправильно заслуженный им отдых, пришёл с визитом. В здании редакции, из всех обещанных ему дверей, только ко мне ему удалось зайти.

Он в изумлении спросил: мне её нечем запирать, что ли? Я с гордостью удостоверил, что таки есть. И он в награду делал мне мозги своим видением здешнего конфликта. Как минимум полчаса, газетчик старого закала как-никак.

Дома никого не оказалось, Сатик, напуганная растущим остервенением перестрелки на склоне Кркчьяна, перевела детей в Подвал. Я сходил проведать. Трепетная свечечка сочилась горестным светом на нашу встречу после рабочего дня. Мы с трудом подбирали слова к отсутствующей теме

разговора.

Но вдруг тотальный вскрик восторга прокатился эхом по главному проходу. Свет пришёл! Да здравствует Эдисон и его лампочки!

Дома я делал йогу, когда Сатик привела Ашота. Он наотрез отказывается торчать в Подвале хоть на секунду дольше неизбежного...

В ходе дня Пекарни Близнецы распродавали тесто—их мощные электродуховки без тока не фурычат. Тёща, конечно же, не упустила случай.

Вечером она начала печь хлеб, но ей занемоглось—ушла в Подвал составить компанию Рузане. Сатик продолжила хлебопечение.

Половина одиннадцатого, я один. Относительная тишь снаружи не смогла убедить Сатик остаться.

17 декабря, день 14-й из 106

День—просто залюбуешься. На рабочем месте я выклепал два перевода и поболтал с моими сокомнатниками.

Лёника интересовали факты биографии и мои профессиональные предпочтения. Потом даже Ваграму пришлось обуздать свою быстролётность и удивлённо угнездиться для небольшой дискуссии на тему эллинизма.

Я не назвал бы его воплощением мечты любителей общения—с порога отмечает любую незнакомую мысль, шевеление мозгами подменяет нагрузкой на голосовые связки. Всегда готов переключиться на кличи попугаев, чтоб слышать

самого себя при исполнении вдолбленных идей.

Но в нас же тоже их долбали, и потому неинтересно. Ваграм, конечно, ещё молод, но вечная спешка ему не даст стать с возрастом умнее.

Дома я вновь блаженствовал в рамках счастливой семейной жизни, на которую может рассчитывать любой достаточно умудрённый субъект. Жизнь из приземлённо бытовых проблем, в которой после починки любимой—из поколения в поколение—неваляшки спиногрызов, тебя посылают в Подвал, где дверь отсека надумала права качать.

Сегодня йогу начну около шести. Потом поужинаю со стопариком водки, чтоб сразу же отбиться. Встану в два и—вперёд!—потому что завтра у Сатик предстоит стирка. Отправляться к Трём Кранам в данный момент не мудро—там очередь водоносов длиннее африканского Нила, но воды надо столько, что в одну ходку не ухватить. Ни даже в две-три.

В общем, война в этот день не слишком-то напирала.

Спасибо, семнадуатое декабря!

18 декабря, день 15-й из 106

Будильник разбудил меня в два. Ему-то что. Бездушная железяка. Я оделся и вышел по воду. Блин! Оказывается, я не один такой умный на этой опушке леса. Хотя двух-трёх водоносов очередью не назовёшь

По ходу моей маятниковой маяты-туда-обратно—я наблюдал ночной прилёт ракет. Жёлтые, лениво пламенеющие полосы беззвучно скользили над головой к своему оглуши-

тельному финалу где-нибудь в городе. Над взгорьем позади Арменавана полнеба мерцало призрачно малиновым. В той стороне полыхал гигантский газовый факел где-то—из магистрального газопровода в результате взрыва.

Без двадцати четыре маятный метроном закончил таскать воду...

С девяти до двенадцати, на рабочем месте я перевёл одну статью. Лёник явился после перерыва с трагической повестью, как три с половиной часа томился в очереди на хлебзаводе, а продали как всегда: три штуки в одни руки.

Аркадик, зав русским отделом попросил меня—ну, типа личной просьбы—перевести манифест новой политической партии. Только-только вылупилась, ещё мокренькая. Конечно, я был только рад оказать услугу непосредственному боссу, но...

Ара! Что за по... тетень! Отыскивать хоть крупицу смысла в словоблудиях ультра-патриотично-недообразованных недорослей! Захлёбываются в пафосе—не пришей манде рукав!—ментального поноса.

И только последний абзац манифеста представил вполне ясную угрозу—без всяких вытребенок—безжалостно расправиться с возможными предателями, а заодно—ну, раз на то пошло—со всеми членами, кто проявит слабосильность.

(...обещание репрессий просочившимся импотентам? ...)

Местное радио объявило о прекращении подачи газа для ремонта взорванного трубопровода. После работы я унёс

наш нагреватель из-под моего стола в переводческой. Он понадобился в подвале, потому что Сатик пожаловалась на недавно распределённый к ним в сектор. Хотя с виду и крепыш, он оказался слабосильным.

В Подвале я подобрал и принёс домой каменный блок для кладки стен—20 x 20 x 40 см—чтоб изготовить нагреватель для рабочего места взамен ушедшего на рокировку. К счастью, у меня имелась запасная спираль нагревателя.

До ужина, случившегося в семь, я выколупывал борозды в камне, чтобы заправить в них спираль. Работа предоставила предлог прогулу сегодняшней йоги. Леня моя непобедима.

Десять минут одиннадцатого, Ашот спит дома.

Абсолютная тишь снаружи беззвучно подсвечивается газовым факелом на дальних склонах за Арменаваном.

19 декабря, день 16-й из 106

Ночь выдалась необъяснимо тихой и затишье продолжалось до полудня.

К обеденному перерыву я кончил перевод Декларации партии анти-импотентов (ПАИ). Ваграм заметил, что в любой местности, где заведётся хотя бы троица армян, возникают семь политических партий как минимум. Ну, это неплохой прикол из его набора.

Главный босс и секретарша Рита заглядывали в переводческую, по очереди. Явно впечатлились камнем-нагревателем. Я позволил себе чуть-чуть не согласиться с боссом, когда он объявил леня достоянием людей востока. Пришлось

встать на защиту человечества: данное качество принадлежит сапиенсам любой расы.

Утром Сатик с детьми и Карина со своими отправились к Орлеане. Так что обедать пришлось в одиночку.

В дальнейшей части рабочего дня, когда по городу ахнули два ракетных залпа, Лёник, укрывшись в дверном проёме переводческой, уговаривал меня покинуть помещение: что если ракета влетит прямиком в окно, а?

— Об этом мне не дано будет узнать, — попробовал я урезонить полёт его фантазий.

Его настойчивый совет перейти в угол был также отклонён—мгновенная смерть предпочтительнее всякой раны.

В четыре я закончил перевод и позвонил к Орлеане. Сатик как раз выходила домой. Я дожидался их в безлюдной пустоте здания редакции.

На заключительном отрезке пути к Подвалу мы проходили мимо Трёх Кранов—Сатик в довольно взвинченном состоянии духа после обстрелов за весь день. Тут я засёк бледное пламя летящих слева *Алазаней*.

«Вот щас...» — успела мелькнуть мысль до взрывов.

Рузанна, зашедшись диким визгом, метнулась к очереди водоносов, что крючились как театр восковых фигур вокруг Трёх Кранов. Сатик не отставала от неё, но молча.

(... естественная человеческая реакция: искать спасения в толпе—пусть разорвёт другого в стаде, не меня!...)

Ашот и я шагали дальше, как и шли. Точнее—тащились.

Он здорово устал протопав вверх по Кирова аж от Кольцевой, из дома Орлеаны.

Толпа орала мне, чтоб я схватил ребёнка и бежал, а то перепугается. Однако моё мнение остаётся неизменным: Ашот бы точно испугался, последуй я их добрым наставлениям.

И вместе с тем, меня не отнести к безбашенным храбрагам—и близко нет—те грёбаные тараканы никак не покидают брюхо, пока я бодрствую. Мне постоянно приходится их укрощать и сдерживать жалкий скулёж в его попытках прорваться из позади Адамова яблока.

В йоге сегодня левое колено обиженно заныло, когда дело дошло до лотоса.

Сатик, заскочив на минуту из Подвала, гордо объявила, что весы Орлеаны показали в ней а три кило меньше, чем в прошлый раз... О, эти женщины! Не хрупкость имя им, но тщеславие. Даже война не в силах их исправить.

Сейчас половина девятого, я один. Ночная тишь с издёвкой ухмыляется снаружи.

20 декабря, день 17-й из 106

Ночь выдалась гадостной, но я упрямо спал дальше. Во снах:

... копал грядки на слишком заболоченном горном склоне потом гнал на велике по широкой тропе её песок становился всё глубже вязче пока не стал непроходимо зыбким...

На рабочем месте запахивал над переводом четырёх статей. Из вежливости поболтал с Ритой, когда заходила обо-

греться у нагревателя из каменного века. Он наполовину вытарчивает из-под стола на благо окружающей публики.

Поставив заключительную точку в чертвёртой, я предложил Ваграму написать инструкцию что делать, если обстрел застал тебя на улице. Не-а. Тема мелковата, для его творческого пера. Другое дело жизнь в убежищах. Вот он возьмёт, разудится и не сегодня завтра выдаст статью таких достоинств, которые потрясут мир.

Аркадик тоже заскочил. Он выдвинул свою кандидатуру на выборы в парламент и уже не в силах говорить о чём-то кроме своих шансов стать членом парламента. Но они у него слишком дохленькие, плачется он, по сравнению с шансами конкурента-претендента. Тот слишком популярен среди любителей азартных игр и воровского элемента в их избирательном округе.

У Сатик была гостья. Её подруга Яна приходила с печальной повестью о своей замужней жизни с офицером КГБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.